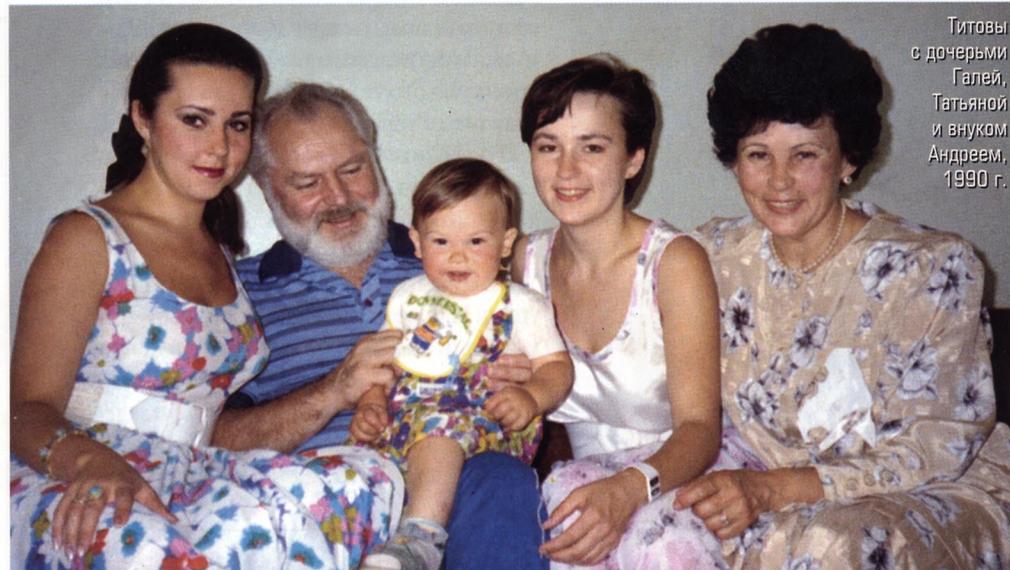
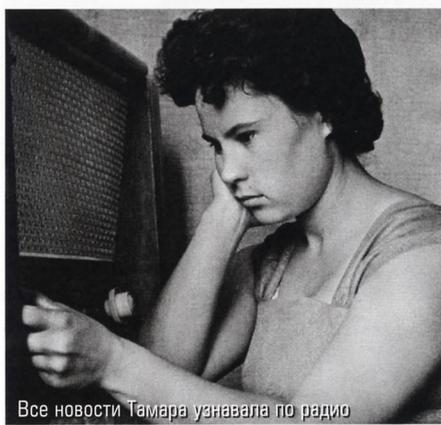
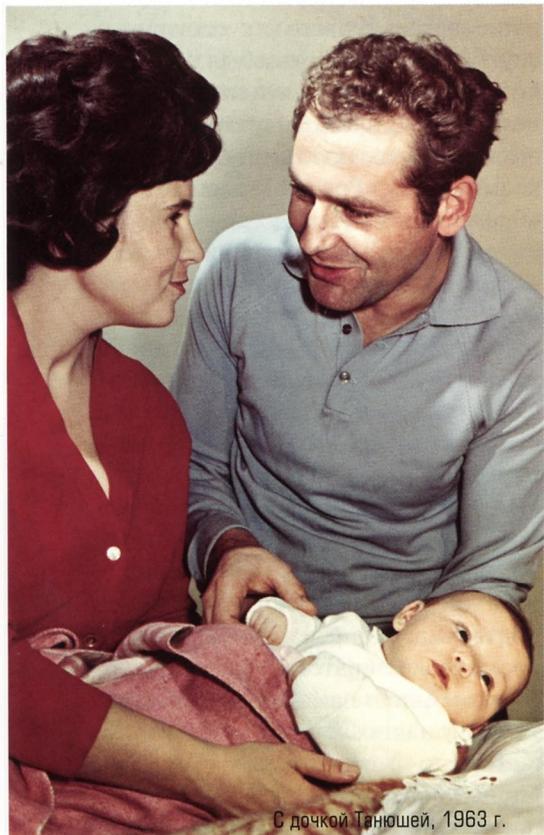

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

О ЛЮБВИ, О ПОДВИГЕ, О СЛАВЕ...

А вот каким человеком был Герман Степанович Титов, рассказала Тамара Васильевна, с которой он прожил 43 года. В этом доме на Хованской улице все осталось на тех же местах, как при жизни ее мужа. Кабинет, фотографии, книги, полки с подарками... Кажется, хозяин куда-то вышел и скоро вернется. Тамара Васильевна вспоминает о нем с таким теплом и уважением, что ты вдруг понимаешь, что прикоснулся к тому редкому и драгоценному, что называется любовью.

— Тамара Васильевна, как и когда вы познакомились?

— Герман родился в Сибири, я на Украине, но, наверное, кто-то на небесах решил нас свести вместе «нанейтральной полосе». Мы встретились в 1957 году в поселке Сиверский. Герман служил в Ленинградском военном округе после окончания Сталинградского военного авиационного училища летчиков. А я жила в Сиверском у своей старшей сестры, потому что не поступила в ленинградское медучилище и устроилась работать в гарнизонную столовую. Мы оба участвовали в художественной самодеятельности при Доме офицеров. Я пела, а Герман вел концерты и участвовал в акробатических пирамидах. Как самый легкий, ловкий и подвижный он стоял на самом верху. А познакомились на танцах, куда друзья затащили Германа после полета. Потом встречались в клубе и часто ходили вместе на занятия. В Доме культуры сестра попросила меня показать «моего» Германа и сказала: «Да, красивый!» А я ответила: «Не только красивый, но и умный». Я всю жизнь считала, что он самый лучший, самый умный, самый честный.

— Вы сразу почувствовали, что Герман именно такой человек — надежный, порядочный?

— Вы знаете, он был какой-то не по годам серьезный. Сразу чувствовалось, что ты идешь с солидным, основательным человеком. Казалось, что в свои 22 года он все знает, все умеет, с ним я чувствовала себя защищенной. Он располагал к себе манерой говорить, своим отношением ко мне, к друзьям, к встреченным по дороге людям, тем, как характеризовал людей, с которыми общается, дружит. У него все парни были умные, достойные, никого он не осуждал, не критиковал и оценки давал очень точные.

24 апреля 1958 года мы расписались в Сиверском сельсовете. Герман на самом деле оказался особенным. Я радовалась, что у нас с первых дней совместной жизни все складывалось мирно и ладно. Старалась все делать для любимого, чувствовала, что ему

надо. Он только открывал дверь — я знала, в каком он настроении. Ну как же по-другому? Вот что он мне писал из Кречевиц: «Юрка приехал быстрее, чем письмо и даже на два дня. Я знал, что его в Гатчину бросили — все ближе к Питеру... Ая, Томочка, наверное, умру без тебя. Знаешь, как мне надоели эти Кречевицы. С тобой они были похожи на что-то вроде деревни. Правда ведь говорят, что с милой и в шалаше рай. Сейчас я все время просиживаю в библиотеке или пролеживаю на койке. Все читаю, читаю. А оно все не то — не читается. Все плохо пишут, не нравится. Я очень скучаю по тебе... Моя маленькая дорогая Томочка, не бойся никого и не

ла, что в «красном углу», где обычно в деревне висят иконы, стоит макет московского Кремля из картона, который сделал Степан Павлович. Ведь до войны он окончил в Барнауле учительские курсы, а потом три года учился в Московской консерватории и очень любил столицу. Отец Германа был очень талантливым, многогранным человеком — художник, музыкант, поэт, мастер на все руки, педагог от Бога. Более 50 лет проработал учителем в школе, вел самые разные кружки. Учитель на селе был представителем интеллигентии,нес культуру в массы. Герман сам говорил, что все хорошее, что у него есть, — от отца. Когда мы

Авиация
всегда была
его любовью.
Липецк, 1965 г.

На отдыхе в Сочи

скучай. Я ведь тебя целую, как и прежде каждый вечер, правда, в темноте, чтобы ребята не видели и не смеялись. Целую тебя нежно. Герман».

— Вот с этим чувством, что я любима, что я ей нужна, мы прожили вместе 43 года.

— Ваши родные одобрили выбор?

— Наш медовый месяц прошел в моем родном доме, на Украине. Мои родители Германа приняли сразу. А в декабре следующего года мы поехали на Алтай. Мне тогда показалось, что я понравилась родным Германа. Переступив порог их дома, я увидела

вернувшись из отпуска и меня спрашивали про Сибирь, Герман смеялся и говорил, что я весь отпуск просидела на печке. Морозы тогда стояли под 40 градусов.

— Оправдал ли Герман Степанович ваши надежды?

— Мне кажется, даже больше, чем когда ухаживал за мной. В то время женились один раз и на всю жизнь. Наши родители прожили много лет в уважении и согласии. Но мне казалось, что у нас с Германом все необычно. Я никогда не ложилась спать, пока он не придет с полетов. Ну, потому

что любила. Все молодые летчики в Кречевицах много летали. Герман часто приходил с полетов очень усталым, но довольным, что ему удалось за день слетать несколько раз в зону пилотирования, на бомбометание и строем, даже в сложных метеорологических условиях. Летом 1958 года отменили надбавку за сложные полеты. И опытные летчики с большими налетами не очень-то рвались выполнять сложные маневры. А молодые летчики очень быстро продвигались по программе, они летали до изнеможения и получали удовольствие. Вечерами мы с Германом в его плановой таблице закрашивали синим карандашом те упражнения, которые он выполнил за летную смену. Поэтому я знала все его задания на месяц, на полгода и т.д.

— А почему Герман Степанович решил стать летчиком? Ведь он разбирался в технике, да и пример отца-учителя был перед глазами.

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

— В старших классах явного увлечения не было. Но потом в деревню приехал дальний родственник — летчик, да еще в парадной форме полковника. Он рассказывал о полетах, о том, что это не только нужная стране, но и очень интересная специальность. Поэтому в 10-м классе Герман уже знал, куда пойдет. На комиссии он сказал военкому, что хочет в авиацию, и его послали на

первоначальное обучение в школу летчиков. Он окончил ее с отличием, как и остальные учебные заведения. Многие инструкторы прошли суровую школу войны и относились к курсантам как к своим детям. Они беззаветно любили небо, самолеты, скорость и старались передать это будущим летчикам.

— А как вы узнали, что Герману Степановичу предложили полететь в космос?

— Он не хотел меня волновать — я ждала ребенка, поэтому успокоил, что могут и не взять. Сначала его спросили: хочет ли он летать на новых типах самолетов? Герман ответил: «Конечно». «Ана более современной технике?» Мой муж сказал, что надо подумать, а потом дал согласие. О том, что их набирают для полета в космос, он и не предполагал.

— А про отбор, про обследования, про подготовку рассказывал? Ведь тогда все делалось в строжайшей тайне.

— Герман ничего от меня не скрывал и ежедневно писал письма из Сокольников, где проходил отбор. Он рассказывал про все испытания и как он себя чувствовал. Я была в курсе всех событий. Письма приходили без помарок — значит, их никто не просматривал.

Из письма Германа Титова жене:
«Родная моя, сегодня был очень трудный день. Из старой «гвардии» остался я

один. Помнишь Вовку, парня из Питера? Он потерял сознание на перегрузках, а я выдержал. Знаешь, мне начинает казаться, что я дважды живой. Пульс сегодня во время испытаний был чудовищный: 210 ударов в минуту. Я даже начал беспокоиться, как бы мое бедное сердечко не выскочило из груди. Но все обошлось благополучно. Завтра предстоит подъем на высоту, боюсь страшно, но страшно хочется пройти эту комиссию. Сегодня тут были высокие люди «из министерства». Говорили немного об условиях работы, но пока еще ничего конкретного...»

— Давайте вспомним о полете Германа Степановича.

— Начнем с того, что 12 апреля Германа, как дублера, одели первым, чтобы Юра Гагарин не так устал и не вспотел в скафандре. И они вдвоем приехали на старт. Когда Юра под-

тил, что лететь надо на сутки. Он всегда поступал по-государственному. Сегодня программу его полета даже смешно читать. Попробовать пообедать в космосе, выполнить физические упражнения, поспать (предстартовая усталость дала о себе знать, и Титов впервые... проспал сеанс радиосвязи). Герман еще и первый фотограф Земли, и космический кинооператор! К сожалению, об этом позабыли. Многие космонавты делают замечательные фотографии, устраивают выставки. Но современную фото- и кинотехнику нельзя сравнять с той, чем пользовался Герман. На седьмом витке он почувствовал тошноту и сообразил, что нужно избегать резких движений головой и найти удобную позу. А он же подвижный, моторный, ему все интересно — хочется и на Землю смотреть, и все комментировать, и программу выполнить. Через некоторое время вестибулярный аппарат пришел в норму.

нялся на площадку, Герман разделся и пошел на КП к Королеву. И Сергей Павлович сказал ему: «А ты, Герман, не расслабляйся, полетишь следующим. Вот сходи в отпуск и приступай к тренировкам». Но Герман об этом не очень распространялся — мало ли что может случиться.

Когда обсуждали, какой будет продолжительность его полета, Королев спросил: «Герман, ты как — согласен на сутки? Я считаю, что три витка на высоте ничего нового не дадут». И Герман отве-

тил. На программе полета его плохое самочувствие никак не отразилось. Он выполнил и перевыполнил все пункты.

— Какие впечатления у него остались от полета?

— Когда Герман увидел меня после полета, то произнес одну только фразу: «Я так скучал...» Позже он рассказывал: «Знаешь, на той высоте совершенно по-другому мыслишь о своем земном пребывании. Я смотрел на Землю и думал: нам кажется, что она беско-

нечная, безмерная, безбрежная. А она, оказывается, такая маленькая! И этот голубенький ореол атмосферы — всего лишь тоненькая пленочка. И недай Бог ее разрушить! Я спросила, было ли ему страшно. Он ответил: «А когда же мне было бояться?» На старте просто некогда. Конечно, разные мысли лезли в голову уже при посадке в корабль. А когда перед входом в плотные слои атмосферы спускаемый аппарат, как и у Юрия Гагарина, не до конца отделился от приборного отсека, Герману стало не по себе.

...Парашют раскрылся, но из-за ветра его немного повернуло. И тут он увидел, что его несет на железную дорогу, по которой мчится поезд. Но Герман умело управлял парашютом, и сел в 30 метрах от полотна.

— Титову тогда не исполнилось и 26-ти. В таком возрасте все-таки сложно выдержать бремя мировой славы, не сломаться, оставаться самим собой. Вы какую-то работу с ним проводили?

— Она была не нужна, и знаете почему? Его натура была настолько цельной! Германа нельзя было ни под-

купить, ни напугать, ни свернуть. У него было кредо: если ты за что-то берешься, надо это делать только на отлично. Но в фильме «Звездный отряд» почему-то утверждают, что Титов очень хотел полететь и поэтому хорошо учился и все экзамены сдавал на «отлично». Да он всегда все старался делать на «отлично»!

Вся тяжесть этой непомерной славы до полета следующего экипажа легла на Юру и на Германа. Потому что все советские люди, все 240 миллионов, хотели увидеть и услышать героев. Трудно было от того, что ты уже не принадлежишь себе. Часто я ездила с ним. Меня сажали в первый ряд, и я слушала, как он рассказывает. Герман всегда говорил хорошо или очень хорошо. И время от времени поглядывал на меня — ну как? Я показываю — да так себе. Он тут же в микрофон: «Товарищи, как я выступил? Вот моя жена считает, что плохо!» Ну, конечно, в ответ аплодисменты.

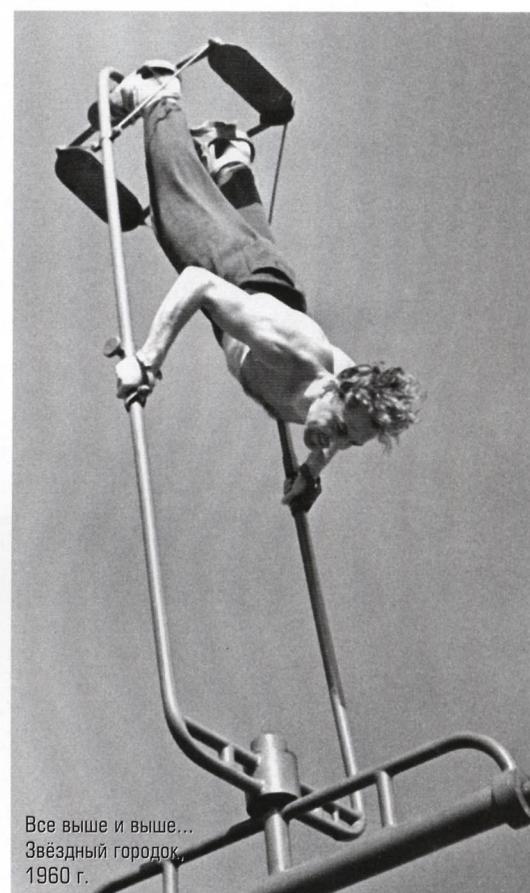
— За границу вы тоже ездили вместе? Где вы побывали, как вас встречали?

— Вы знаете, люди везде достижения науки и техники воспринимали одинаково. И хотя у них не было своего космонавта, они радовались успехам другой страны. Германа везде встречали прекрасно. В Болгарии многотысячная толпа начала что-то скандировать. Герман сначала не понял, что кричат, а потом оказалось, что люди просят говорить без переводчика — все и так все понимали.

И в Америке нас тоже очень хорошо принимали. Аудиенция у президента Кеннеди была рассчитана на 5-10 минут, а продолжалась полчаса.

— А вам самой не приходилось выступать?

— Вообще нет. Но в Америке нас пригласили на телевидение на какое-то мероприятие, и пришлось отвечать на вопросы. Спрашивали, что нам у них понравилось, что мы себе купили? Но были и каверзные, о политике, например, задали такой вопрос: «Вы знаете, господин Титов, что советские люди живут хуже, чем американцы. А вы столько денег тратите на вооружение и на космос. Что, русский народ предпочитает хлебу с маслом ракеты?» Герман очень разозлился и

Все выше и выше...
Звездный городок,
1960 г.

ответил так: «Мое поколение хорошо знает, что такое война. Сам я не был на фронте, но воевал мой отец, отцы и братья моих друзей и знакомых. После победы нам пришлось восстанавливать разоренную страну. Мы помним, какие лишения выпали нашему народу, и не хотим никакой войны. Мы за мирные исследования космоса в интересах народного хозяйства». А потом он прочитал стихи Роберта Рождественского «Хотят ли русские войны»: «Спросите вы у матерей, спросите у жены моей (а я рядом сижу), и вы тогда понять должны — хотят ли русские войны». Тут раздались бурные аплодисменты. После этого Герман сказал, что теперь не боится никаких «акул пера». Он всегда очень хорошо говорил, будто прошел курс риторики. На самом деле их к этому не готовили.

— Навсегда останется загадкой, почему первым полетел Юрий Гагарин. Все члены отряда мечтали полететь в космос, готовились и не думали, кто станет первым, кто — вторым и третьим.

— Но кто же знает, почему утвердили Гагарина?! До старта они с Юрий шли вровень. 12 апреля Титова объявили дублером Юрия Гагарина. Каманин высказывался за то, чтобы доверить Герману более сложный полет. Так же считал и Королёв. Ну что делать?! Так сложилось и все! И Герман, и остальные ребята говорили: правильно, что выбрали Юру. Герман не страдал от того, что не он первый, он говорил: «По-человечески каждый из шестерки и двадцатки хотел бы полететь первым, и все достойны этого». Он сразу включился в подготовку и уже в августе

полетел сам. И славы и признания ему хватило.

Некоторые утверждают, что Титов не хотел больше летать в космос, потому что плохо себя чувствовал в полете. Но это, мягко говоря, неправда. Снова «становиться в очередь», расталкивать локтями своих друзей пока не все слетали, Герман считал для себя невозможным. Он совсем не хотел уходить из отряда. Посмотрите его послужной список: с 1966-го по 1970 год Титов проходил подготовку по программе «Спираль», которую потом закрыли. Чтобы его включили в программу «Буран», он в Липецке и Ахтубинске освоил новые самые современные самолеты, которые были на вооружении в Минобороны — и с изменяемой геометрией крыла, и с

вертикальным взлетом, и даже тяжелые бомбардировщики, работал в ЛИИ. Он считал, что так у него появится больше шансов полететь на «Буране» и хотел после полета в космосе пересесть на «крыльшки». Ему все это было интересно, он так любил небо и скорость!

— Королёв относился к этим ребятам, особенно из первого отряда, с большой теплотой, как к своим сыновьям...

— Да, мы часто бывали и на предприятии, и в его доме. Он нас приглашал просто поговорить, угостил обедом. Однажды космонавты были на предприятии, и Сергей Павлович спросил Германа: «Ты получил приглашение в Кремлевский дворец? Ну, так заезжайте с Тамарой ко мне и мы вместе поедем». Мы приехали к Королёвым, оставили у них машину и поехали в Кремль. Там была большая программа, а потом танцы.

— Вы танцевали с самим Сергеем Павловичем?

— И с Королёвым, и с Леонидом Ильичом Брежневым. Брежnev очень хорошо вальсировал, он крутил меня во все стороны — и справа налево, и слева направо, и отпускал руку, давал dame покружиться... Очень приятный мужчина, такой статный, красивый — все было при нем.

...Я всегда гордилась своим мужем. Для меня и дочек он был всем, светом в окошке, мы чувствовали, что это взаимно. Его мама, Александра Михайловна, мне как-то сказала: «Тебе повезло с твоим мужем — Титовы однолюбы». Вот оказывается в чем дело! А я думала — это я такая хорошая.

— Но после трагической гибели Юрия Гагарина Титову запретили летать. Наверняка вы обсуждали с ним, что делать, как дальше жить.

— Вы знаете, для него это было равносильно смерти. Он мечтал вернуться в авиацию, но понимал, что ему не разрешат сесть за штурвал самолета, и не видел применения своим силам и знаниям. Два года он промучился на общественной работе и летом 1970 года пошел учиться в Военную академию Генерального штаба. В третий раз ему пришлось начинать все сначала. На защите диплома присутствовал начальник ГУКОС генерал А. Г. Карась, который предложил Герману служить в Военно-космических войсках. Этот

На приеме в Кремле после полета В. Терешковой и В. Быковского

Правительственный прием в Кремле в честь успешного завершения полета Гитова. 9 августа 1961 г.

В Хьюстоне у шаттла
Март 1990 г.

период он вспоминал, как самые лучшие годы своей профессиональной деятельности. В академии он получил общие знания по этому роду войск, и для него все это было совершенно новым.

— И вам пришлось составлять планы не полетов, а поездок??!

— Он ушел в новую работу с головой. Офицеры-ракетчики восхищались им как профессионалом и руководителем. Герман Степанович во многом помогал им, потому что авторитет у него был большой. Но не в этом дело. Есть люди авторитетные, но они не хотят помогать людям, не могут им сопереживать. А Герман переживал! Если

человек к нему пришел за помощью, тем более это его офицер, он как командир должен ему помочь, обеспечить квартирой, зарплатой, телефоном, чтобы тот мог выполнять свой долг перед Родиной.

Космические войска располагаются от Дальнего Востока до западных границ. Герману пришлось много ездить и летать. В конце года с Байконура обязательно запускают последние изделия для военного космоса. У меня день рождения 25 декабря, и он всегда звонил и говорил: «Я тебе готовлю подарок!» А потом сообщал: «Подарок успешно запущен!»

Казалось бы, вся его жизнь расписана по минутам — отряд, полет в космос, две академии, 20 лет службы в Космических войсках, начало работы над ГЛОНАССом — можно от всего устать. Нет! Герман после полета занимался депутатской деятельностью и после ухода из армии был депутатом Госдумы трех созывов. Он приезжал домой просто никакой! В это время происходил полный развал страны. Люди потеряли опору под ногами, они не понимали, что происходит. Но Герман боролся. Он и в Думу пошел, надеясь хоть что-то изменить. Герман был неравнодушным человеком и патриотом!

— Где вы будете отмечать юбилейную дату?

— Германа Степановича нет с нами уже 11 лет. Но его сослуживцы ценят его

вклад в Космические войска. Главный испытательный центр испытаний и управления космическими средствами, а с прошлого года Алтайский оптико-лазерный центр и Барнаульский аэропорт носят имя Германа Степановича Титова. В деревне Полковниково, где учился Герман Степанович, построили новый музей. Такое решение принял губернатор, чтобы увековечить память выдающегося земляка. 6 августа мы полетим на Алтай на открытие музея, и вместе с его земляками отпразднуем это событие.

Беседовала Екатерина Белоглазова
Фото из личного архива семьи Титовых